

An abstract painting featuring a central, somewhat recognizable face with closed eyes. The face is rendered in soft, muted tones of green, yellow, and white. The background is a complex composition of bold, expressive brushstrokes in various colors, including orange, red, blue, and black, creating a sense of movement and depth. The overall style is expressive and somewhat somber.

Голиб Саидов

РАССКАЗЫ

Голиб Саидов

Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8720782

ISBN 978-5-4474-0372-0

Аннотация

Данный сборник рассказов является первой пробой пера, в котором автор попытался проявить себя в новом жанре литературы. Насколько это ему удалось – судить читателю.

Содержание

Сибирская соната	5
И один в поле воин...	8
Когда приходит смерть...	13
Сладкие дни	17
Костыль	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Рассказы Голиб Саидов

© Голиб Саидов, 2014

© Надежда Велиева, дизайн обложки, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Сибирская соната Из цикла «шоферские байки и истории»

Неравный брак понять ещё можно, в то время, как – неразумный...

Деревенского парня из узбекской глубинки, судьба-злодейка забросила за несколько тысяч километров от родного порога. Аж, в самый Иркутск. То ли, служить ему там довелось, то ли ещё по неизвестно какой причине, но угораздило его жениться на самой что ни на есть коренной молочной сибирячке, «забросив свой якорь» среди таежных лесов России.

Однако, ностальгия, как известно, штука весьма коварная и довольно часто – болезненная. Особенно, когда тебя окружает всё чужое: и язык, который так и не удалось освоить до конца, и люди, со своими странными обычаями, другим укладом жизни, и уж, тем более, сама природа.

Прожив в этих краях с десяток лет, Садриддин так и не сумел свыкнуться ни с людьми, ни с тайгой.

Единственной ниточкой – лучиком света в темном царстве, связывавшим его с родным домом – являлись две затертые кассеты с записями любимых узбекских музыкантов-исполнителей – классиков советского Востока. Всякий раз, по окончании рабочего дня, Садриддин уединялся в маленьком сарайчике, расположенном недалеко от дома, где, включив на «полную катушку» старенький магнитофон, лил горькие слезы, предаваясь воспоминаниям былой молодости и оплакивая свою горькую участь.

Как это ни странно, но русские песни также, порой, находили свое место в разборчивом репертуаре несчастного страдальца. К примеру, из творчества В. Добрынина.

– ... Не сыпь мне соль на рану, она ещё боли-и-т! – подвывал он в такт певцу и композитору, растягивая на восточный манер концовку куплета известной песни.

В такие минуты, Людмила – жена Садриддина – готова была его задушить. Однако, хорошо изучив характер своего (в общем-то, кроткого) благоверного, в самый последний момент, благоразумно удерживала себя от праведного гнева, стараясь переключиться и занять себя какой-либо работой по хозяйству.

Любви, как таковой, давно уже меж ними не было. Да и была ли она вообще? Трудно сказать. Так, какая-то непонятная привязанность и... некая жалость, непонятно – к чему или кому. И ещё, наверное, человеческий долг. По отношению к семье, к детям. Тот самый, что по обыкновению принят во многих чрезвычайно простых семьях.

Энергичная и бойкая по натуре Людмила, с ранних лет привыкшая к физическому труду и не избалованная чудесами современной техники, довольно быстро справлялась с домашними делами.

Наконец, наладив ужин и накрыв на стол, оборачивалась в сторону сарая:

– Сашка! – зычным голосом звала она своего супруга. – Ну, хватить уже скулить! Иди, давай: ужин стынет!

Садриддин неожиданно вздрагивал, услышав её голос, «опускался на землю» и нехотя плёлся к дому...

Неизвестно, сколь долго ещё продолжалось бы это установившееся течение серых будней, если бы, в один из дней, тишину их дома не нарушил рокот старого КамАЗа, с узбекскими номерами на борту. Вначале, Садриддин не поверил своим глазам, сочтя за галлюцинацию столь знакомое до боли сочетание букв на номерном знаке. Но, когда машина остановилась буквально в трех шагах от него, и из кабины соскочил на землю «шоколадный» шофер в тубетейке, он от волнения потерял дар речи, застыв, словно статуя, на месте.

Очередной рейс моих братьев лежал через Иркутск. Волею случая, на короткое время им доведется задержаться и быть гостями Садриддина и его жены.

Излишне, наверное, говорить о том, как обрадовался этой случайной встрече хозяин дома. Приезд моих братьев, явился для него таким же чудом, каким, в свое время, для Робинзона показался корабль с англичанами на борту, приставший к необитаемому острову. Он преданно смотрел в глаза своим «спасителям» и заворожено внимал узбекской речи, в упоении раскачиваясь из стороны в сторону и сладостно причмокивая языком.

В первую очередь, Садриддин счел необходимым поинтересоваться – есть ли у земляков какие-либо новые кассеты и получив утвердительный ответ, обезумел от счастья. Затем, выяснив, что гости вынуждены задержаться на неделю, уговорил их поселиться у себя. На радостях, он в первый же день закатил праздничный ужин, на котором и познакомил своих сородичей со всем своим семейством.

Его верная «Пятница» также была искренне рада друзьям мужа, видя, как тот ожил и преобразился: в последний раз улыбку на лице своего «Сашки» она видела в тот день, когда они поженились.

В гостях Людмиле импонировало всё: и скромность, и деликатность, и удивительная образованность, столь несвойственная её мужу. Но более всего, её покорила их добродушный юмор, который выражался в подтрунивании над новоиспеченным «сибиряком», сопровождавшийся тонкими ироническими подколами и намёками. Последнее обстоятельство настолько расположило хозяйку, что уже буквально через час небольшим, не осталось и следа от сдержанных жестов и былой скованности. В лице таких же, как и её собственный муж, восточных людей, она обрела столь необходимую ей моральную поддержку и была безумно рада судьбе за то, что та послала ей таких благодарных слушателей. Наконец, она могла выплеснуть им свою наболевшую душу, которую уж, кто-кто, а они поймут.

– Господи! Как я устала от него, Генка, если б ты только знал! – в сердцах обронила Людмила, едва лишь супруг, торопливо схватив подаренные ему гостями новые кассеты, встал из-за стола и поспешил в сторону сарая.

Ганижан понимающе улыбнулся:

– Ничего не поделаешь: ностальгия...

– Да какая к черту ностальгия? – не выдержала хозяйка. – Вот, к примеру, взять вас с Шуриком (так, неожиданно, она окрестила Шухрата): образованные, начитанные ребята, знаете не только свою историю, но и нашу. Я даже столько не знаю! – созналась Людмила, окончившая некогда с трудом районную восьмилетку, и продолжила: – одним словом, с вами есть о чём поговорить. А этот... – кивнула она головой в сторону сарая. – Ни сам толком не выучился русскому, ни меня своему так и не научил! Дети, и те не знают – как его называть...

– А ты попробуй, сама с ним поговорить. – рискнул посоветовать Шухрат. – Расспроси его, по-хорошему, полюбовно...

– Да какой, там... – безнадежно махнула рукой хозяйка. – Он, ведь, окромя своего магнитофона, ни черта и слушать не желает.

И, повернувшись к Ганижану, в отчаянии выдала:

– Вот, веришь – нет, Генка: как заведет свою нудную шарманку, так мне, хоть вешайся... ну прямь, стирать охота! Вот, честное слово!

Гости не выдержали и расхохотались. Людмила тоже расплылась в широкой улыбке: ей было приятно, что она доставила хорошим людям удовольствие.

Выросшая под Иркутском, в провинциальном поселке, посреди русской бескрайней тайги и воспитанная на советской попсе, народных песнях и частушках, она особо-то и не задумывалась, что на свете может существовать другая музыка, другая культура. Выйдя замуж за своего Сашку, она выучилась только одному – тихо ненавидеть узбекскую классику.

Она ревновала к ней собственного мужа. Эти протяжные и нудные – как ей казалось – звуки, способны были довести до иступления любого нормального человека. Они отнимали у неё законного супруга, а потому Людмила уже никогда не смогла бы воспринять эти мелодии иначе. Они являлись виновницей их семейного разлада. И осознание этого факта наводило гостей на горестные размышления.

Вскоре, со стороны сарая прибежал довольный Садриддин и, ласково взглянув на Людмилу, протянул ей магнитофон:

– Лудычка, ты тока паслушай, а? – он считал несправедливым не поделиться такой божественной музыкой с любимой: пусть она знает, что на свете существует настоящая мелодия, которая не может не затронуть любящее сердце.

– Ай, отстань ты! – попыталась она отмахнуться, состроив на лице хмурое выражение, но, перехватив взгляд моих братьев, не выдержала и расхохоталась, загробастав в охапку своего тощего, но жилистого мужичонку. – Нет, ну вот что с ним поделаться?! – как бы оправдываясь перед гостями, произнесла хозяйка и, не стесняясь, чмокнула его по матерински в лоб.

Садриддин несколько растерялся от такого неожиданного проявления чувств и укоризненно посмотрел на жену: столь откровенные сцены явно противоречили понятиям и нормам его морали и могли обидеть гостей. Но, кинув короткий взгляд на братьев и убедившись, что всё нормально, он вмиг успокоился и даже вскоре сам обнял за талию свою супругу...

Близилась к завершению последняя ночь пребывания земляков в гостеприимном доме. Гости и хозяева уже успели за короткое время настолько сдружиться и проникнуться взаимными симпатиями, что расставание казалось тяжелым экзаменом для обеих сторон.

Назавтра, братьям предстояла поездка далее, на север, через Братск к Усть-Илимску, а потому необходимо было сосредоточиться перед дорогой и собраться с мыслями. Однако, уснуть никак не удавалось. Сколько бы Ганижан не заставлял себя отвлечься, но мысли невольно возвращали его к этой удивительной паре.

«Что могло заставить, встретиться на такой огромной планете, таких, казалось бы, совершенно непохожих и разных по характеру людей? – размышлял он, глядя в окно на безжизненные звезды, в бесчисленном количестве раскинутые по бездонному небу. – Вероятно, вот точно так же, всматривается в эту темную бездну несчастный Садриддин, выискивая на небосклоне знакомые созвездия и мысленно представляя лежащим себя на деревянном тапчане, расположенном посреди большого огорода, в родном кишлаке Жондор. Где-то, совсем рядом, в арыке протекает прохладный ручеек, в котором остужается сорванная накануне с бахчи огромная мирзачульская дыня. Пахнет глиной, соломой и засохшими кизьяками. А ещё – тандыром, в котором рано поутру мать начнет выпекать патыр – большие деревенские слоеные лепешки...»

Рано утром, гости завели мотор и стали прощаться с друзьями. На Садриддина невозможно было смотреть без жалости и сострадания. Он весь как-то съезжился, осунулся и не проронил за всё время почти ни единого слова. И только после того, как братья, обнявшись по восточной традиции, простились с хозяином и сели в кабину КамАЗа, Ганижан вдруг почувствовал, как плотно прилип к телу влажный рукав рубашки, обильно орошенный слезами Садриддина.

Последнее, что успели зафиксировать братья в зеркале заднего вида, это стоящая посередине дороги странная пара: она – машущая своей легкой косынкой вослед удаляющей машине и он – стоящий рядом с нею, маленький тщедушный человечек в старой выцветшей узбекской тюбетейке.

Впереди лежала узкая лента дороги, ведущая в неизвестность, а за спиной оставалась ещё одна судьба, ещё одна история любви. Такая непонятная, жалкая и несуразная, но оттого и – трогательно щемящая, заставляющая задуматься над многими вопросами мироздания.

И один в поле воин... **Из цикла «Записки повара»**

– Сергей Николаевич, ну к чему нам такой большой штат? – не выдержав, встрял я в обсуждение вопроса, касающегося должностных функций предполагаемых сотрудников нового кафе. Шефу явно льстило, когда я обращался к нему по имени-отчеству в присутствии работников коллектива. Тем не менее, на сей раз, он был непреклонен:

– Ты решай свои вопросы кухни, а мы здесь, с Олей, сами управимся!

Оля – немолодая уже, но миловидная и стройная женщина – была любовницей Сергея, являясь по совместительству его заместителем.

– А может быть, он прав? – она жалобно взглянула на своего любимого. – Ты уверен, что мы потянем?

– Даже и слушать не желаю! – категорично отрезал шеф. – У нас всё должно быть по-человечески.

Вообще-то, мягкий по натуре, иногда он бывал невыносимо груб. Видимо, сказывалось военное прошлое.

По молодости, Сережа несколько лет прослужил в советской армии, в чине прапорщика, а потому, чувствовалось, что командный стиль руководства наложил на его характер заметный отпечаток. Возражений он не терпел. Впрочем, это вовсе не мешало ему впоследствии несколько раз менять своё решение, что он и делал довольно часто, со свойственной ему прямоотой.

Завязав окончательно с армией, на волне горбачевской «гласности» и «перестройки», он решил удариться в систему общепита. Благо, соответствующие «корочки» у него имелись. И вот, проработав некоторое время в тресте столовых Василеостровского района, Сергей Николаевич решил открыть небольшое, но своё, собственное дело, заделавшись частным предпринимателем.

Невзрачное кафе, расположенное в одном из глухих дворов, на проспекте Стачек, которое он недорого взял в аренду, сулило – как ему тогда казалось – неплохие дивиденды. А потому, не стоило начинать свою карьеру с выкраивания и урезания, с того, что так бесило его во многих начинающих советских бизнесменах. Хватить жить по «совку»! Уж, он то, наконец, покажет – как следует налаживать дело.

В ходе короткого обсуждения, было принято окончательное решение. Предполагалось, что поваров будет трое (во главе с шеф-поваром), мойщиц – две единицы, барменов и официанток, соответственно, также, по трое, плюс одна уборщица. Помимо прочего, было принято решение, нанимать охранника по вечерам, на почасовую работу. Если в это число включить Олю (заместитель и бухгалтер по совместительству) и самого директора, взвалившего на свои плечи функции экспедитора и поставщика товаров, то в общей сложности выходило пятнадцать человек. Пятнадцать ртов, которых необходимо было не только накормить, но и – ежемесячно выплачивать зарплату.

На секунду я представил, как в небольшом помещении, площадью в 30 квадратных метров и шестью столами, разбросанными по периметру зала, будет стоять нескончаемая очередь клиентов, желающих непременно отведать именно наши блюда. Повара будут задыхаться от работы, не отходя от плит ни на секунду; официантки и бармены – еле успевать обслуживать посетителей. У мойщиц постоянно будет гора заваленной посуды, а про уборщицу и вовсе говорить не хочется. По вечерам, охранник с трудом будет справляться со своими обязанностями и потому, необходимо будет подумывать о том, что не мешало бы нанять хотя бы ещё одного, на помощь...

Первые несколько дней, Сергей Николаевич ходил радостный и довольный: всё шло так, как он и задумал. Подъезжая на своей беленькой «Ауди-80» к самым дверям кафе, он открывал багажник, и начинал выгружать многочисленные коробки. Это были не только продукты питания и спиртное. Среди прочего, числились и импортные моющие средства, салфетки, ветоши, тряпки для мытья полов, всевозможные декоративные свечечки, ароматные палочки и индийские благовония, зубочистки и туалетная бумага. Словом, ни одна мелочь не оставалась не учтенной.

Интересно проследить за эволюцией прозрения, которое просто обязано было произойти согласно всем российским законам.

Первым признаком неблагополучия явилось исчезновение столь привычной для нас, широкой улыбки шефа. Она испарилась к концу первой недели. Переступая по утрам порог своего заведения, он не обнаруживал за столиками ни единого посетителя. Улыбку вначале сменило удивление, затем – недоумение, а потом, как и следовало ожидать, недовольство, очень скоро перешедшее в откровенную злобу. Хозяин стал раздражительным и с подозрением относиться ко всему, выискивая, к чему бы придраться.

Оленька, тонко подмечающая и улавливающая любые перемены в настроении своего возлюбленного, как могла, старалась смягчить удары, наносимые коварной судьбой. Вдобавок ко всему, она также внесла свои кровные сбережения, а потому являлась полноправным компаньоном, с мнением которого необходимо считаться. Однако, если раньше, любые её предложения по улучшению работы кафе, воспринимались как оригинальные, смелые и новаторские, то теперь она предпочитала десять раз обдумать, прежде чем открыть свой рот.

Меня, Сергей предпочитал избегать, чтобы лишний раз не замечать в моих глазах укора. Коротко бросив взгляд на кухню, он весело здоровался со мною и, перекинувшись парой-тройкой дежурных фраз, убегал в свой небольшой кабинет, где они с Олей долго о чем-то шушукались, изредка выползая из своего логова на обед или на чашечку эспрессо.

За первые две недели через барную стойку прошло не более сотни посетителей. В среднем, выходило порядка семи клиентов в сутки. Причем, в основном, это были «дневные» покупатели.

Охранник же, каждый вечер, в 19—00 исправно заступал на смену. Добросовестно отсидев пять часов и получив свои честно заработанные деньги, он довольный уходя восwoяси.

Поэтому, никого особо не удивило, когда к концу второй недели от его услуг вежливо отказались.

Следующей жертвой пали повара.

– Чего это вы, тут, толпитесь на проходе – даже протиснуться невозможно?! – раздраженно бросил Сергей Николаевич, войдя на кухню к концу третьей недели.

Наутро он зазвал меня в свой кабинет.

– Пожалуй, ты был прав: поваров, что-то, чересчур многовато... – и перейдя на шёпот: – Слушай, может, поработаешь один, а? Временно, пока не раскрутимся. Я тебя не обижу, ты ведь, меня знаешь?

Ещё бы! Сережу я, конечно же, знал давно, а потому лишь неопределенно пожал плечами...

Аппетит, как известно, приходит во время еды.

Эти наглые и самодовольные официантки давно уже раздражали Олю. Они постоянно строили глазки её бой-френду и вызывающе виляли своими выпуклыми задницами, демонстрируя готовность к случке. Не было только подходящего момента для расправы. К концу месяца он наступил: одна из них попала на обсчете клиента.

– Ты хоть знаешь, сколько они зарабатывают? – намекнула Оля своему любовнику, заставив того призадуматься. – И вдобавок, мы ещё им платим!

Толстая шея хозяина начала багроветь, покрываясь пунцовыми пятнами. На лбу выступил пот.

– Между прочим, с их работой спокойно справились бы те же самые буфетчики. Непонятно, для чего это мы их содержим... – окончательно добила она своего горячего и вспыльчивого мачо.

Ещё через пару-тройку дней, разобрались и с мойщицами: как и следовало ожидать, одна из них ушла в запой. За нарушение трудовой производственной дисциплины она была уволена без выплаты заработной платы. Её верная напарница, с трудом протянув ещё с неделю и не выдержав двойной нагрузки, запила с горя.

Функции мойщиц были «по-братски» поделены между оставшимися сотрудниками: каждый обязан был мыть посуду в свободное от работы время. Однажды за подобным занятием даже довелось застать самого директора: он тщательно мыл под краном свою личную кружку.

Зато, теперь можно было облегченно вздохнуть: казалось, увольнять уже больше некого.

Однако, вскоре бдительная Оля вычислила ещё одну «праздно шатающуюся дармоедку». Ею оказалась... единственная уборщица.

– Чего это, она ходит из угла в угол? – справедливо возмутилась заместительница во время очередного совместного обеда, кивнув в сторону несчастной женщины. – С чего ей платить, когда у нас и так всё чисто?

Замечание это было произнесено как раз, в тот самый момент, когда Сергей Николаевич усердно расправлялся с бараньей косточкой. Наконец, обглодав её полностью, он удовлетворительно откинулся на спинку стула, издав, при этом громкую благородную отрыжку: мясо оказалось на редкость мягким и вкусным...

К исходу третьего месяца в штате осталось всего пять человек: два бармена (меняющие друг дружку ежедневно), два руководителя и один повар. Тем не менее, дела нисколько не улучшались. Народ по-прежнему не баловал своим посещением, начисто игнорируя наше заведение. Доходы едва покрывали расходы и, к тому же, обнаружился новый враг в лице соседки, жившей этажом выше, прямо над нашим кафе. Она закидала жалобами всевозможные инстанции, грозясь прикрыть эту «лавочку», где по ночам гремит сумасшедшая музыка, которая не дает покоя нормальным людям, нарушая общественный порядок.

Поначалу Сергей не придавал особого значения её воплям, справедливо полагая, что с ментами всегда можно договориться. Однако, вскоре он понял, что ему противостоит достаточной серьезный противник, который мог добавить немало хлопот, отняв у него кучу нервов и денег.

Очень скоро выяснится, что помимо стержового характера, эта особа, оказывается, умудрилась в свое время получить два высших образования, а потому она в совершенстве владела всеми тонкостями крочкотворства, изрядно набив себе руку на этом деле.

– Я бы с радостью тебе помог, Николаич, – дружелюбно пояснил ситуацию местный участковый, опрокинув очередную стопку и хрустнув малосольным огурчиком, – но тут, извини, бессилён. Ведь, эта гадина сжила со свету уже трех твоих предшественников, а потому никакого сладу с ней просто нет. Да чего там говорить – она уже на нас стала жалобы писать. А нам, как ты понимаешь, следует реагировать. Иначе, места лишимся. Эта зараза ещё та... можешь не сомневаться.

Тогда Сергей решил самолично навестить неугомонную злыдню, надеясь обольстить её своим обаянием. Естественно, миссия эта с треском провалилась: баба оказалась довольно «крепким орешком» для его зубов.

– Вот, сучка! – негодуяще воскликнул он, возвратившись от неё. – Она обставила нас такими условиями, что я просто разорюсь, если выполню хотя бы один из этих дурацких пунктов. Прикинь, Оля, эта стерва требует, чтобы мы провели звукоизоляцию! А ты хоть представляешь себе – каких это денег стоит?!

Подруга, естественно, никакого понятия о звукоизоляции не имела, а потому, застыв с широко раскрытыми глазами, восторженно любовалась своим разъяренным мавром, изредка моргая своими ресницами. «Вот бы, таким буйным застать его в постели» – мечтательно пронеслось у неё в голове.

Сергей Николаевич тяжело опустился на стул и вытер со лба выступившие капельки пота. Только теперь до него дошло – почему ему так «дешево» досталось это злосчастное кафе. Необходимо было что-то срочно предпринимать. Немного поразмышляв, он понял, что выход остается только один...

Апофеозом идиотизма российского бизнеса стал тот день, когда на работу не вышел бармен ввиду непредвиденной болезни. Это был «высший пилотаж»: с появлением каждого нового клиента, я носился как угорелый между барной стойкой, кухней и мойкой, сочетая в себе ипостаси бармена, повара, официанта и мойщицы посуды.

В таком состоянии меня и застал Сережа, войдя в кафе. На несколько секунд он остолбенел от такой картины. Но уже буквально в следующую минуту глаза его радостно заблестели. Даже для законченного идиота не составляло особого труда догадаться – какая мысль осенила в тот момент босса.

– Ну, уж, дудки! – не выдержал я, давая понять, что рассчитывать на эту идеальную схему бесполезно...

В одно прекрасное солнечное утро к дверям кафе подкатила серая машина «Вольво», из которой вышел совсем молодой человек. Войдя вовнутрь, он окинул взглядом помещение, внимательно изучил потолок, украшенный лепниной, отметил про себя уютный интерьер зала и на некоторое время задержал свой взгляд на зеленых шторах. Наконец, заметив меня, робко поинтересовался:

– Скажите, а когда будет Сергей Николаевич?

Именно в этот самый момент до моего слуха донеслось характерное урчание знакомой «Ауди».

– А вот и он! – указал я на дверь.

– А-а, Сашенька, дорогой, здравствуй! – радостно бросился с порога навстречу к гостю шеф. – Извини, дорогой, в «пробке» пришлось проторчать.

– Ничего, ничего... – с пониманием отнесся гость. – Я сам только что подъехал.

– Ну, как? – с плохо скрываемым волнением обратился Сергей Николаевич к Александру.

– Да вроде бы, ничего... нормальная кафешка. Вот только публика немного смущает. Вернее, её отсутствие. Это у вас всегда так?

– Нет, что ты! Просто, люди ещё не проснулись. – испугался Сергей Николаевич и в подтверждение своих слов, бросив на меня умоляющий взгляд, бодро произнес: – Вот, спроси у нашего повара. Скажи ему, Галиб, сколько тут по вечерам бывает народу?

– Уу-у... – протянул я неопределенно, пытаясь оставаться честным и в то же время желая поддержать товарища. Мой ответ можно было интерпретировать по-разному, в зависимости от того, что подразумевается: ирония, сарказм или что-либо другое.

Хозяин провел гостя вглубь, знакомя его с подсобными помещениями, кухней и особой гордостью – отдельным кабинетом. Последний, больше всего пришелся по душе Саше. Там они и заперлись на пару часиков, детально обсуждая предстоящую сделку, после чего оба вышли довольные и вскоре распрощались до следующей встречи.

– Ты не переживай: я тебя потом к себе заберу. – заверил меня Сергей, когда мы остались одни. – Тебя он не уволит, это было одним из моих условий. Понимаешь, мне бы только сбегать с рук это чертово кафе! А я тебя не подведу. Ты ведь, меня знаешь?

Я согласно кивнул головой. Я знал...

Когда через несколько дней Александр и его теща – заместитель и, по совместительству, главный бухгалтер – обсуждали кадровый вопрос, я уже не встречал, молча наблюдая за бурной дискуссией новоявленных бизнесменов из своего закутка на кухне.

– Саша! – донесся до меня возмущенный голос новой главбухши, – ну, на хрена, нам целых тринадцать человек?! Давай, для начала ограничимся десятью сотрудниками?

– Мама, Вы неправы, – грамотно возразил зять и пояснил:

– Затевать серьезное дело и экономить на таких мелочах – это недостойно настоящего бизнесмена. У нас всё должно быть по-человечески!

Когда приходит смерть... Из цикла «Записки повара»

– Видишь, какое оно у нас маленькое? – кивнула Маргарита Павловна на меню, оказавшееся у меня в руках.

«Ни х#я себе – «маленькое»... – подумал я про себя. Вслух же, произнёс нечто вроде подтверждения, больше похожее на сомнение:

– Да-а...

Затем окинул взглядом небольшую кухню, одна из стен которой была сплошь оклеена многочисленными технологическими картами.

– Не пугайся: ничего нового для тебя нет – перехватив мой взгляд, мгновенно приободрила меня заведующая производством. – Всё простенько...

Скрепя сердце, я вынужден был согласиться, хотя в глубине души понимал, что это только начало. Деваться было некуда: в который раз я вновь остался без работы.

Марго я знал давно. Властная по натуре и довольно амбициозная женщина, она, как могла, пыталась устроиться в этом новом и жестоком мире. Благодаря своим организаторским способностям, строгой дисциплине и особой взыскательности к своим подчинённым, она сумела расположить к себе благосклонность хозяев. Последние же, как правило, совершенно не разбираясь в тонкостях производства, требовали только одного – прибыли. Охрана труда, здоровье людей, их права и прочее, всё это менее всего волновало новоявленных российских нуворишей: они вложили «конкретные бабки» и следовало любым способом их «отбить». И новому заведующему оставалось только всячески им угождать. Достаточно часто, ценою ущемления элементарных прав рядовых сотрудников.

Поначалу, всё шло гладко: количество посетителей с каждым днём неуклонно росло, повара выкладывались от души, заведение не только стало окупать себя, но и приносить вполне ощутимые дивиденды. Марго цвела и благоухала, одаривая нас своей обворожительной улыбкой. Повара постепенно освоились со своими обязанностями, разобрались со сменами и даже изредка находили время для общения и дежурных поварских шуток.

Одной из моих сменщиц являлась Ира – несколько полноватая добродушная женщина. Как и многие несчастные российские женщины, она работала на двух работах, взвалив на свои плечи нелёгкий груз семейной ответственности. Она одна растила двух взрослых сыновей. Прожив с мужем около двадцати лет, в один «прекрасный» вечер она рассталась с ним, застукав «благоверного» в объятиях своей лучшей подруги. И хоть, было ей далеко за сорок, выглядела она вполне привлекательно.

– Ах, ты моя «сорокопяточка»! – нежно подначивал я её порой, и она сразу же вся расцветала и расплывалась в своей обаятельной улыбке. Иногда, подобные реплики только раздражали её.

– Да ну, тебя, Галиб: только дразнишь...

Она была прирождённым поваром. Никаких техникумов или курсов не заканчивала. Это я сразу понял, глянув – как она готовит: не механически и небрежно, как чётко заведённый робот, а как-то «по-домашнему», добротнo и с любовью. От неё всегда веяло каким-то теплом и уютом.

Особенно ей удавались первые блюда.

– Погоди, погоди, не выливай! – выхватывала она у меня из рук остатки вчерашнего борща. – Сейчас я его подшаманю...

И действительно: прошедший через её золотые ручки борщ оказывался ещё вкуснее, чем вчера!

Выматывая себя на двух работах, Ира временами открывала мне свою душу. Я же, как мог, старался её приободрить, делая ей комплименты и рассказывая всякие смешные истории. Она была настоящей женщиной, поскольку достаточно было произнести пару ласковых слов, и усталое выражение моментально сменялось озорными искорками в её глазах и кокетливым поведением.

Достаточно часто, предметом наших обсуждений становилась Марго. Вернее её неуёмная энергия и страстное желание угодить своим боссам.

– Блять, она нас в гроб загонит! Точно, тебе, говорю... – жаловалась мне Ира. – Ты посмотри: уже на вторую стенку стала наклеивать свои грёбаные «обои»! Нет, я точно не выдержу на двух работах. Что мне выбрать, а?

– Оставайся в «Спутнике» и не дури! – строго посоветовал я ей. – А здесь, всем нам точно, скоро хана придёт...

Вскоре хозяева научились владеть своими эмоциями, и всё чаще стали вызывать «на ковёр» заместительницу.

– Плохо, Маргарита Павловна, плохо работаем. – принимались они давить на исполнительную руководящую. – Клиенты просят разнообразия, а вы... Неужели у Вас иссякла фантазия?! Надо чего-нибудь необычного, понимаете?

Марго понимала их с полуслова. И – старалась, как умела...

Спустя ещё пару дней, в меню, отдельной строкой будут значиться «Блюда от шеф-повара», каждое из которых было наворочено по самое не хочу. Среди прочего, числились и фирменный хлебец, который предстояло выпекать нам – поварам, и различные усложнённые миксы, невероятное количество соусов и разнообразных горячих закусок, какое-то непонятное блюдо, состоящее из нескольких видов рыб ценнейших пород, украшенное всевозможными морепродуктами и перепелиными яйцами, фаршированными красной и черной икрой, и ещё куча всего такого, что могло только присниться нашей начальнице на ночь глядя.

Все холодильники были забиты многочисленными плоскими и баночками с заправками, соусами и заготовками на все случаи, за которыми необходимо было следить. Все стены кухни были оклеены фотографиями и технологическими картами. Повара, уже окончательно потерялись в названиях блюд, постоянно припадая к стенкам кухни, в поисках того или иного рецепта.

«Стена плача» – горестно окрещу я её потом.

Самым забавным в этой ситуации было то, что повар в ночную смену полагался ... один.

Являясь многостаночником, он совмещал в себе обязанности не только повара горячего цеха, не только «холодника», но и функции овощницы и мойщицы посуды одновременно. Сначала он бежал в холодный цех – делать салаты, затем в горячий – готовить основное блюдо, и в конце вновь возвращался в холодный, чтобы отдать десерт. Порою, заказов было столько, что я стоял, не зная, в какую сторону вначале мчаться. Было очевидно, что надолго меня не хватит...

– Маргарита Павловна! – не выдержал я однажды. – Вы ведь, прекрасно понимаете, что вводя новое блюдо, необходимо исключать из меню что-либо из старого?

– Не волнуйся, дорогой: как раз над этим я сейчас и работаю. – обдала она меня своей неотразимой улыбкой, коротко пронзив меня своими умопомрачительными черными цыганскими глазами.

И действительно: не прошло и недели, как я убедился, что Марго умеет сдерживать свои обещания. Из меню было вычеркнуто аж, целых пять «старых» блюд! Правда, вместо них, уже в коридоре, на стене было присобачено скотчем восемь новых бумажек. Вместо

вскрика у меня вырвался не то стон, не то хрип: вероятно, такой звук издаёт смертельно раненый зверь, когда стрела охотника вонзается в самое сердце.

Это было единственное место работы, куда я шёл как на каторгу, как на плаху, как на расстрел. Каждое утро, миновав площадь Труда, я тяжело ступал на Благовещенский мост, откуда как на ладони открывалась моему взору ненавистная панорама Васильевского острова. Бедный, бедный остров! Конечно же, он был не виноват в том, что я за короткое время успел невзлюбить его настолько, что мне потребуется ещё немало лет, прежде я сумею взглянуть на него совершенно другими глазами. А тогда...

«Ни страны, ни погоста.
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров.
Я иду умирать.»

«Несчастный Бродский...» – вздыхал я, несколько видоизменив «пророческие» строки поэта... На самом деле, мне жалко было исключительно себя.

С трудом передвигая ноги, я медленно брёл по бывшему мосту лейтенанта Шмидта, проклиная свою судьбу. Некогда восхищавшая меня панорама города, была подёрнута какой-то серой полосой тумана. С Финского залива дул холодный и пронизывающий ветер, а по небу неспешно плыли мрачные свинцовые тучи, изредка поливая меня мерзопакостным морозящим дождём. Предстоящий день не сулил мне ничего хорошего, вселяя в мою душу только страх и отчаянье. Именно такая картина предстаёт предо мной всякий раз, когда я с ужасом вспоминаю это злосчастное место работы.

Как и следовало ожидать, началась текучка кадров: официанты и повара стали меняться чуть ли не каждый день, как перчатки. Обслуживающий персонал постепенно превратился в издёрганную и затравленную кучку зверей: все стали огрызаться и дерзить друг другу, каждый норовил спихнуть работу на другого. При любом удобном случае, стремились закрыться (хотя бы на некоторое время!) в туалете, где дышалось намного легче и свободнее. И только мы с Ирой старались держаться вместе, морально поддерживая друг друга.

– Потерпи, дорогой! – теперь она уже пыталась меня успокоить, чувствуя, что со дня на день я не выдержу и брошу всё к чертям собачьим. – У нас в гостинице, по-моему, местечко освобождается... Не буду ничего заранее говорить...

В общем, атмосфера в коллективе достигла точки кипения. Дурацкий колокольчик, извещающий поваров о каждом новом заказе, почти ни на минуту не умолкал. Однажды, прикола ради, я отрезал нитку. Через пять минут тишины, столь непривычной для нашего кафе, Марго чуть не хватил инфаркт. Боссы, также выползли из своих кабинетов, удивившись отсутствию столь приятного и сладостного для их слуха трезвона.

«Интересно, – подумал я про себя, – когда же придёт моя смерть?»

И «она» не заставила себя ждать, явившись вначале в виде пары изящных женских ножек, которые я успел разглядеть сквозь окно раздачи. Прямо напротив, располагалась входная дверь. Мне же, была видна только самая нижняя её часть. Там, где находились ступеньки, ведущие в зал.

Ножки задержались на некоторое время, как бы раздумывая – входить ли им или же протопать дальше. Я весь напрягся в ожидании. Наконец, они, всё же, переступили порог нашего заведения и, бодро цокая каблучками, спустились по лестнице. И тут же, им на смену возникла уже другая пара ног.

«Два!» – процедил я сквозь зубы и в следующую секунду принялся считать вслух:

– ...Три, четыре... шесть, семь...

На десятой паре, я схватил себя за грудь, в области сердца.

– ...Пятнадцать, шестнадцать... – вдруг я почувствовал, что начинаю нервно посмеиваться.

– ...Двадцать девять, тридцать... – на какое-то время я оцепенел, находясь в прострации.

– Ё# твою мать... – невольно вырвалось у меня, и я тихо сполз по стенке.

Вскоре выяснилось, что наше кафе приглянулось группе иностранных туристов, которые изъявили желание отужинать именно здесь.

Как я и предполагал, каждому захотелось соригинальничать и заказать себе что-либо такое, чего никто до него не заказывал. И я сразу же проникся огромным уважением к нашим, отечественным туристам, которые как попугаи, абсолютно все, как один, берут почти одно и то же, не утруждая мозгами ни себя, ни обслуживающий их персонал.

– У-у, с-суки! – взвыл я, включая на полную мощь все плиты, духовые шкафы, пароконвектомат и громохача кастрюлями, плошками и сковородками...

Сознательно опуская ту часть, которая противопоказана нормальному читателю, я только скажу одно: когда через полтора часа я наконец справился с последним заказом, кухня напоминала распотрошенный курятник, в котором только что побывал хищный зверь. Сам я выглядел как ощипанный петух, который непонятно каким образом спасся от ужасных клыков. На мне совершенно не было лица, а сердце колотилось так, словно вот-вот выскочит наружу. Я совершенно не помню, как закончилась моя смена, и в котором часу возвратился домой. В этот день, до меня вдруг дошло лишь одно – я очень люблю жизнь и хочу жить! Хочу дышать полной грудью, хочу любить, быть естественным и свободным.!

Через день я шёл по тому же самому мосту и удивлялся: «Господи, какая кругом красота! И чего это я раньше всего этого не замечал?!»

На работе меня встретила строгая Маргарита Павловна. В руке была зажата пачка с очередной порцией напечатанных листов.

– Что за дела, почему опаздываем?! – нахмутив брови, начала было отчитывать меня начальница.

Не говоря ни слова, я грубо выдернул у неё из рук пачку бумаг, всучив ей взамен всего один листочек.

– Что это?! – опешила она, широко раскрыв от изумления глаза: таким она меня ещё никогда не видела.

– Некролог! – чётко отчеканил я и, не сдержавшись, громко расхохотался – По собственному желанию!

И не дав ей опомниться, развернулся к дверям.

В тот же вечер в моей квартире раздался телефонный звонок. Звонила Ира, которая сообщила, что в гостинице «Спутник» освободилось место старшего повара.

– Много «обоев»? – коротко поинтересовался я.

– Совсем нет! Какие поклеишь, такие и будут. – рассмеялась в трубку подруга и, немного помолчав, успокоила: – Не волнуйся: после Марго, наше место тебе покажется просто раем.

«Почему бы и нет, – логично вывел я заключение, – в аду я уже побывал. Двум смертям не бывать. Почему бы, в качестве компенсации мне не понежиться немного в раю. Ведь, Бог – Милостивый и Милосердный...»

Сладкие дни

В небольшом финском городке Куопио, расположенном почти в самом центре страны, живет маленькая семья, состоящая из папы-Ласси, мамы-Валентины и семилетнего Костика, который очень любит своих родителей. Особенно маму. Потому, что мама для него – всё: она научила его читать и писать, она постоянно заботится о том, чтобы он всегда был сыт и хорошо одет, мама – этой самый лучший друг и советчик, с которым можно поделиться своими сокровенными тайнами. Вместе с мамой они часто гуляют вдоль восхитительного озера, расположенного рядом с их домом, в красивом сосновом лесу. Наконец, мама, пожалуй, единственный на свете человек, который знает, как безумно Костик обожает шоколадные конфеты и прочие сладости. Правда, мама очень строга, и потому редко, когда позволяет ему такую роскошь. Но, тем они желаннее и вкуснее...

Отложив в сторону свой любимый «тетрис», Костя пододвинул стул поближе к окну и, взобравшись на него с коленками, с грустью уставился на белую безжизненную полосу дороги. Туда, откуда должна, со дня на день, приехать мама.

Не прошло и недели со дня её отъезда, а его уже не радовало ничто: ни новые игрушки, ни книжки, ни компьютер, за которым ему разрешалось обычно проводить не более двух часов в сутки. Ничего не хотелось. Хотелось только одного: поскорей бы вернулась мама.

И тогда их тихий уголок вновь оживёт и расцветет, словно, пробудившийся от долгой спячки, нежный подснежник. Снова дом наполнится живыми и теплыми звуками, обои на стенах перестанут выглядеть унылыми и блеклыми, и весь мир за окном засверкает и вспыхнет яркими красками. Вновь Костик будет слышать любимый и звонкий мамин смех, и даже вечно занятый папа, отложит на время свои дела для того, чтобы принять активное участие в общем семейном веселье.

Словно добрая волшебница, мама начнет извлекать на свет долгожданные подарки, а в конце, многозначительно подмигнув сыну, обязательно достанет огромную красивую коробку шоколадных конфет – самый главный подарок – от чего, Костик, радостно взвизгнув, подпрыгнет, чуть ли не до потолка и восторженно захлопает в ладоши. Он знает, что в этот день никто не посмеет ограничить его в любимом лакомстве, так как это исключительный день, когда можно оттянуться по полной программе. Пускай, через день-два, мама вновь станет строгой и требовательной, но в этот день...

Костя не выдержал и зажмурил глаза: уж, слишком живо и реально предстала перед его взором эта картинка.

– Чего грустим? – вернул его на грешную землю голос отца, встревоженного непонятной тишиной в доме. – Что-нибудь случилось?

В ответ, сын только тяжело вздохнул, молча слез со стула и уныло побрел к своему компьютеру.

Догадавшись, что происходит в душе ребенка, родитель беспомощно уставился на своего сына, не зная, как и чем тому помочь, чувствуя себя виноватым.

Наконец, он не выдержал и, подойдя вплотную, нежно обнял сына:

– Мы ведь, с тобой мужчины? А настоящие мужчины никогда не вешают носа, верно?

Костик, повернувшись к отцу, попытался улыбнуться. Улыбка вышла жалкой и беспомощной, отчего сердце Ласси невыносимо сжалось. Вдруг, его осенило:

– А давай, мы сейчас свяжемся по «скайпу» с мамой?!

– Давай! – радостно согласился малыш.

...Когда через час с небольшим, папа с сыном, отужинав, уютно устроились напротив телевизора, настроение у обоих было явно приподнятым.

– Кстати, ты не знаешь, когда мама вернётся? – рассеянно щёлкая пультом, спросил отец.

– Знаю. – уверенно ответил Костик и мечтательно закатил свои красивые глазки кверху. На мгновение, папа застыл, изумленно уставившись на сына: о конкретных сроках приезда Валентины, разговора, вроде бы, не было...

– Когда? – удивился Ласси.

– Когда наступят сладкие дни...

Костыль

Взрыв лопнувшей камеры нарушил знойную тишину Устюрта, возвестив о нагрянувшей-таки беде.

Груженный КамАЗ прополз по инерции ещё несколько метров по раскаленному песку и остановился.

– П#здец – «приехали»... чуть слышно выматерился Роман и заглушил мотор.

Случилось то, чего он больше всего опасался.

«Сейчас они появятся» – мгновенно промелькнуло в мозгу.

Не мешкая более ни секунды, он быстро выскочил из кабины и, убедившись, что машина и в самом деле напоролась на тщательно замаскированный «костыль», торопливо кинулся доставать продукты.

– Живо, домкрат и ключи! – скомандовал он на ходу своему помощнику. – Ни на что не отвлекайся: мы должны как можно скорее управиться!

Напарнику – молодому мальчишке, лет двадцати – не было необходимости повторять дважды: по интонации своего наставника он сразу сообразил, что случилось нечто очень неприятное. И, несмотря на то, что суть произошедшего оставалась для него до конца неясной, уточнять детали не стал. Шустро захватив с собой тяжелый мешок с инструментами, он соскочил с подножки и принялся за работу, усердно пыхтя и копошась под лопнувшим колесом.

Тем временем, Роман уже достал пару бутылок водки, паяльную лампу и принялся открывать банки с тушенкой.

Наконец, боковым зрением он засёк, как из-за бархана сначала появилась одна голова, а спустя минуту, с противоположной стороны нарисовался ещё один силуэт казаха.

«И откуда они неожиданно возникают, когда ни единой души кругом не видно?! Словно черти из земли.» – бывалого шофера всегда изумлял этот факт.

– Будь проклят тот день, когда я сел за эту баранку! – выругался про себя Роман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.